

Глава 3. Родное.

На стене тикали древние ходики с амбарным замком вместо гири. Эти ходики Аласову помнились ещё с тех времён, когда он бегал по школе мальчишкой. Вот таким же, как те. Он выглянул в окно: школьный двор был полон детворы, стёкла позвякивали от их голосов.

Аласов разложил на директорском столе планы, любезно приготовленные для него Тимиром Ивановичем, попытался вникнуть в бумаги, но вскоре поймал себя на том, что только водит глазами по строчкам.

Снова он в той же школе. Самая памятная пора в жизни связана с этими стенами, с этим крепко вытоптанном двором, со старой лиственницей, на которую лазил мальчишкой, — кажется, и сейчас ещё ощущаешь, какая шершавая на ней кора.

А вот теперь строгий завуч зовёт его по имени-отчеству. Славный Тимир Иванович! Аласов всегда понимал, что за внешностью педанта в нём таится доброе сердце. Надо думать, Надежда счастлива с ним. Тимир Иванович вчера передал её извинения: не пришла погостевать, была нездорова...

И Майка не явилась: «Мы, Сергей, вдвоём отпразднуем твоё прибытие. Среди начальства не хочется, ты уж не обижайся...» Глупая, ему ли обижаться? Вдвоём? Чего же лучше!

Майка хороша стала. Кто бы мог подумать, что из худенькой смугляночки (как пирожок зажаренный) может возникнуть этакая краса! Брови стрелчатые, косы по плечам... Не якуточка-северянка, а княжна грузинская. Вчера за столом Майю Унарову хвалили наперебой: выросла в талантливого педагога, прекрасный сад выходила.

Впрочем, школьные патриархи кого только не прихвалили. Старики всех помнили, знали судьбу каждого, и для каждого у них нашлось доброе слово. Аласов лишний раз подивился, как крепка стариковская память. Помнят ли они, эти выросшие теперь или даже состарившиеся Федотки, Катриски, Серёжки, Уйбааны, — помнят ли они своих учителей так же, как учителя помнят их?

Где могилы тех, кто не вернулся с войны, в каких степях, под какими кручами? А здесь, в памяти учителей, они, погибшие, всё ещё живы: выводят первые свои каракули на листе, бегут сломя голову по школьному коридору...

Вчера Всеволод Николаевич оглядел его с ног до головы, расцеловал. А потом как-то в одно мгновение вдруг потускнел весь, будто выдохнул жизнь из себя: «Воевал, вернулся... Да... А Сашка мой там остался, в Праге. Вот так-то оно...»

И живых, и павших — всех вчера вспомнили. Одну только Надежду обходили разговором. И Аласов не стал о ней спрашивать. Правда, Тимир Иванович в разгар беседы начал было: «Вот моя Надюшка на этот счёт...» Но

тут же осёкся, даже смутился. Удивительно было видеть Тимира Ивановича смущённым. Знает всё? Не может не знать...

Интересно, какой она стала? Наверное, о том, давнем, и думать позабыла?

— Надежда Пестрякова, — проговорил Аласов, дивясь непривычному сочетанию слов. — Пестрякова...

Он покосился в сторону учительской, которую от директорской отделяла тонкая фанерная стена. Покосился, словно могли его услышать. Может, и Надежда сейчас там? Было слышно, как дверь в учительскую то и дело хлопала.

— Доброе утро! — звонкий голосок. — Поздравляю всех с новым почином... А что, говорят, подкинули нам наконец стопроцентного холостяка?.. Ой!

Аласов словно воочию увидел: голосистой особе кто-то предупреждающе показал на директорскую и особа, зардевшись, прикусила язык.

Глупейшее положение — скрываться в кабинете начальства, когда все знают, что ты тут сидишь. Какого чёрта!

— Здравствуйте, товарищи, — Аласов решительно открыл дверь в учительскую. — Можно к вам?

На голос обернулись все. Надежды Пестряковой среди учителей не было.

— Заходи, Сергей Аласов, — пригласила Майка, она сидела в углу на плоском продавленном диване. — Хватит тебе от товарищей прятаться!

Аласов направился было к дивану, на милый этот голосок, но вовремя сообразил, что надо начать со старших.

— Здравствуйте, Всеволод Николаевич.

Старик протянутой руки не принял, хмуро оглядел

— Тот самый, — покаянно опустил голову Аласов. — Тот самый, Всеволод Николаевич. Но одно примите во внимание: я ведь больше не буду...

— Он больше не будет! Ему уже под сорок, у него голова заблестела, и он, слава богу, больше не будет макать девчонкам косы в чернильницы!

Все рассмеялись. А Левин, помяв Аласову ладонь, передал его дальше:

— Любите Серёжу. Он всё-таки хороший человек!

— Кылбанов.

— Хастаева.

— Нахов.

— Белолобская...

Новые имена. Скоро они станут ему близкими.

- Саргылана Кустурова.

Ладонь у девушки горячая, личико в красных пятнах. Волнуется, что ли?

Так, обходя всех, Аласов добрался до Майи и плюхнулся рядом с ней на диван.

— Другой бы в такой день раньше всех пришёл, — сказала Майя. — Проявил бы почтительность к коллективу. Каким был бесшабашным, таким и остался.

Глаза её смеялись, и снова, как вчера, Аласов удивился её красоте. Майя положительно не знала себе цены. Сидит, болтает о разных разностях, — кажется, заговори с ней о чём-нибудь серьёзном, и не получится.

Беспечный, ни к чему не обязывающий разговор не мешал ему осматривать учительскую, слышать её. «Ой, дорогая, как вы раздобрели за лето!» — «Неудачное расписание: у меня три окна в неделю». — «А вам, Саргыланочка, я самое главное скажу: забудьте, что это первый ваш урок. Чувствуйте себя так, словно вы уже в возрасте Всеволода Николаевича...» Некая особа в модном джемпере и вся сверкающая — кольца, браслеты на руках, серьги — постреливает взглядом в сторону дивана. Кажется, Степанидой Хастаевой назвалась. Не эта ли только что острила насчёт холостяка?.. Тот вон — Кылбанов. Коротышка с лицом, вкривь и вкось изборождённым морщинами, глаза-щёлочки, красные веки. Определённо где-то видел его раньше. Где-нибудь в Якутске, наверно... А этот по-хозяйски выставил ноги вперёд. Э, да у него протез, похоже.

— День добрый!

В дверях стояла дама в сером костюме, с высокой причёской. Да, Надежда. Она самая. Располневшая, вальяжная, почти не похожая на прежнюю, на ту длинноногую голенастую девчонку. И тем не менее — она, Надежда Пестрякова.

Общий поклон, и прошла к окну. Узнала ли его, скользнув взглядом по лицам? Наверно, не узнала. А может, узнала, но не испытала при этом ни малейшего интереса? Если так, то совсем хорошо. Ему эта встреча представлялась куда мучительней.

Он снова повернулся к Майе, с преувеличенной весёлостью продолжая прежний разговор. Появлению Пестряковой Майя, судя по всему, тоже не придавала значения. Только взяла у него из рук газетку, скрученную жгутом. Сам того не замечая, он измочалил несчастную газетку, белая труха сыпалась ему на брюки.

Звонок на торжественную линейку оборвал их беседу. Аласов подал Майе руку, помогая ей подняться с дивана.

Начинался новый учебный год.

Открывая дверь в учительскую, она в тысячный раз предупредила себя: сейчас ты увидишь его, помни же обо всём.

Вошла и безошибочно, ещё не оглядев всей учительской, сразу нашла его.

Какой молодой! Почему он такой молодой? Ноги пронесли её к окну. Руки сами принялись раскрывать какие-то журналы, карандаш сам собой делал

пометки. Удивительно молодой, скажи пожалуйста! Будто не было этих бесконечных лет. А губы так совсем мальчишечьи. И волосы ёжиком... Унарова Майка чему-то хихикает, отмахивается ручкой. Интересно, что ей так весело?

— Ещё раз добрый день, дорогая Надежда Алгысовна, — прошамкал рядом Кылбанов. Узкие его глаза совсем закрылись от удовольствия приветствовать жену дорогого товарища завуча. Почти не разжимая рта, только для неё одной, Кылбанов прошелестел: — А я гляжу, кого это вы так внимательно изучаете... Ба, нового учителя, оказывается! Этот Аласов определённо смутил покой всей нашей прекрасной половины, закрутил головки, как мутовкой. Посмотрите на Хастаеву — так и ест глазами, так бы, кажется, и сожрала живьём, как куница воробья. А наша-то «неприступная крепость» Майя Ивановна — куда и подевалась женская гордость. Вот как играет улыбочками, красуется перед ним. Да и ваш взгляд, дорогая Надежда Алгысовна, ах, ах...

Кылбанов засмеялся — будто закашлялся.

— Вам что-нибудь нужно от меня, любезнейший? — ровно спросила она Кылбанова и даже слегка улыбнулась, глядя в его глазки-щёлочки. — Если бы я была мужчиной, то за ваше любопытство попросту набила бы вам физиономию. — Улыбка её стала ещё шире. Всю свою боль и ярость она выплеснула на этого случайно подвернувшегося дурака. — А теперь отойдите...

— Гы! — только и сказал Кылбанов от неожиданности; по инерции он тоже продолжал улыбаться, со стороны могло показаться, что у окна любезно беседуют двое добрых знакомых. — Гы! — повторил Кылбанов и попятился. — Чтой-то вы... прямо уж, не ожидал от вас, признаться...

Но она уже отвернулась к окну, краем глаза успев заметить, как Аласов, поддерживая Унарову под руку, пошёл к двери. Не оглянувшись...

Аласова в десятый класс повёл сам директор.

В классе было шумно. Фёдор Баглаевич попытался было добиться тишины, но без успеха. Махнув рукой, он стал скороговоркой объяснять, что и кто Аласов, назначенный к ним классным руководителем.

— Значит, до ноября, — как бы про себя, но достаточно громко прокомментировал кто-то с задних парт; в классе захихикали.

— Это кто там? А-а, всё тот же Монастырёв! Ну-ка встань, голубчик! Опять за старое! Так-то ты начинаешь новый учебный год?

— Точно так, — без тени смущения поднялся с последней парты долговязый парень.

— Дерзишь? — растерянно спросил директор.

— Дерзу, — серьёзно ответил Монастырев.

Аласов молча наблюдал жалкие педагогические усилия Фёдора Баглаевича. Наконец закрылась дверь за директором, класс зашумел ещё пуще, потом стал

утихать. Безучастная фигура нового учителя, глубоко задумавшегося о чём-то своём, невольно заинтересовала всех. Тише, тише, и вот в классе воцарилась уже совершеннейшая тишина, когда слышно стало, как царапается берёзовая ветка в окно.

Учитель всё молчал.

— Почему же до ноября? — наконец спросил он негромко, словно подумал вслух. — Не до октября или января, а именно до ноября... Это ты, кажется, столько мне отмерил?

Монастырев снова поднялся над партой, теперь уже совсем неохотно, всем своим видом говоря, ну, чего привязались, жизни нет никакой.

— Почему ноябрь, спрашиваю?

— Ноябрь — конец первой четверти. Что же тут непонятного? А больше одной четверти у нас классоводы не держатся.

— Что так?

Парень иронически пожал плечами:

— Выбиваются из сил, должно быть. Силёнок не хватает...

Он явно красовался перед классом. Лица ребят застыли в немом восхищении — во, даёт!

— Хорошо объясняешь, — отметил Аласов. — Наверно, чувствуешь себя ухарем-молодцом? Эк учителю-то режешь! Сам чёрт тебе не брат, а? Не дождёшься перемены, чтобы в коридоре распушить хвост: видели, как я нового учителя срезал? Любишь погарцевать? Признайся, девчонок ещё и теперь за косы таскаешь?

— Таскает! — пискнула какая-то толстушка. — Проходу не даёт...

Лицо Монастырёва, утратив бравое выражение, стало заливаться краской. Он маялся на виду у класса: и сесть без разрешения учителя не смел, и стоять ему было неловко. Зыбки бывают симпатии толпы, перед коей лицедействуешь! Вслед за толстушкой ещё кто-то пустил шпильку в недавнего кумира: «Верно, Юрче только дай повыставляться».

Аласов поспешил посадить бунтаря на место, чем, надо думать, уберёт его от окончательного падения в глазах общества. Но, чтобы поставить точку, он всё-таки присовокупил в его адрес:

— Очень ты унылый человек, Монастырёв. Этаким шалун-переросток... Многократно осмеян, но всё-таки жив курилка. Специально сидишь на задней парте, до десятого класса сохранил непосредственность третьеклассника. Неужели самому не скучно в этой роли, а, Монастырёв? Ну да ладно. Давайте всё-таки и делом займёмся.

Класс ответил учителю сочувствием. Каждый сегодня шёл в свой последний, в десятый класс, впереди предстоял труднейший год. Аласов хорошо понимал: если умело поддержать этот порыв, можно многого достичь.

— А что касается классного руководства... — сказал он, — то буду я у вас руководителем не до ноября или февраля — а до конца учебного года. Летом провожу вас кого куда. Кого в институты...

— ...Кого в коровники навоз чистить, — продолжил за него кто-то.

Класс, только что такой деловой, грохнул смехом.

Аласов не успел заметить, откуда пущена в него шпилька, это был уже не Монастырёв. Нет, далеко не просто здесь, как могло показаться с первого взгляда! Не в одном Монастырёве дело. Однако не было смысла отвечать на реплику, вновь заводить педагогическую обработку, выявлять остряка, толковать о чистке коровника, как о деле почётном... Не за этим он шёл к десятиклассникам, взрослым людям. Здесь нотация нередко срабатывает совсем не в том направлении, какого желаешь.

— Значит, так. Как уже известно, преподавать я вам буду историю СССР...